

И. Н. БОРОЗДИН

Т. Н. ГРАНОВСКИЙ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

Прошло сто лет со дня смерти Т. Н. Грановского, выдающегося историка-просветителя, зачинателя русской медиевистики. Появилось много работ, посвященных его научной и общественной деятельности. Советские исследователи не только внимательно изучают труды Грановского, но и критически разбираются в накопившейся за столетие литературе об известном историке. Разрушено и отброшено немало „творимых легенд“, неверных, а часто и намеренно фальсифицированных оценок Грановского как ученого. Советская историческая наука значительно продвинула вперед изучение научного наследия Т. Н. Грановского.

Очень большой интерес представляет вопрос об отношении Грановского к проблемам истории Византии и славянства. Выступления Т. Н. Грановского по вопросам истории Византии заслуживают тем большего внимания, что этому выдающемуся представителю тогдашней передовой науки приходилось преодолевать традиционные представления об истории Византии как страны застоя. Хорошо известно, как отрицательно относились к средневековью вообще и к истории византийской империи в частности просветители XVIII в., занятые ожесточенной борьбой с абсолютизмом и клерикализмом. И Монтескье, и Вольтер, и Кондорсе не жалели самых колких слов и резких выражений, характеризую Византию как оплот церковного мракобесия, деспотизма, интриг и склок. Выдающийся историк XVIII в., специально занимавшийся историей Восточной Римской империи, Гиббон, сделал как бы некоторое обобщение той негативной концепции византийской истории, которая создана была в „век просвещения“. Ученые первых десятилетий XIX в. во многом перепевали высказывания своих предшественников. Характерно, что Гегель в своей „Философии истории“ дает определенно отрицательную характеристику Византии. „История высокообразованной Восточной Римской империи, — пишет он, — где, как следовало бы думать, дух христианства мог бы быть понят в своей истинности и чистоте, представляет тысячелетний ряд беспрестанных преступлений, слабостей, низостей и проявлений бесхарактерности, ужаснейшую и поэтому всего менее интересную картину“¹.

Отрицательное отношение к Византии давало себя знать и в России. В московских кружках 30—40-х годов прошлого столетия, в ожесточенных спорах западников и славянофилов не раз дебатировался вопрос об исторической роли Византии. Виднейший представитель „западников“ П. Я. Чаадаев давал уничтожающую характеристику Византии. В своем

¹ Гегель. Философия истории. Перев. А. М. Водена. М.—Л., 1935, стр. 318.

известном „Философическом письме“, опубликованном в журнале „Телескоп“ (1836 г., № 15), он писал: „Что делали мы в то время, как из жестокой борьбы варварства северных народов, с высокой мыслию религии, возникало величественное здание нового образования? Ведомые злою судьбою, мы заимствовали первые семена нравственного и умственного просвещения у растленной, презираемой всеми народами Византии“². Вопросы о влиянии Византии, особенно о пагубном значении цезаропапизма, Чаадаев касается и в других своих письмах (например, в письме к гр. Сиркуру 1846)³. У А. И. Герцена также встречаются высказывания, в отрицательном свете рисующие Византию. Так, например, в „Легенде“ мы читаем следующие строки: „...и человечество представлялось ему худшею частью своею — Византиею. Византия, которой гниение началось вместе со славою, — развратная, гнусная, должна была ужаснуть юношу“⁴.

Если для „западников“ Византия представлялась оплотом всего косного и отсталого, то славянофилы — представители консервативных помещичьих кругов — давали, наоборот, иную оценку Восточной Римской империи, противопоставляя ее Западу. Несомненно, идеализировал Византию И. В. Киреевский, когда противопоставлял расчетливой, рассудочной, отравленной и извращенной рационализмом римской культуре Запада греческий мир с его художественно-созерцательной культурой и Восток с его мистикой. Другой видный славянофил А. С. Хомяков заявлял, что говорить о Византии с пренебрежением — значит расписываться в невежество.

В изучении и разработке истории Византии в России первой половины XIX в. в значительной степени были еще в силе некоторые традиции, установленные академиками-немцами XVIII в. И Байер, зачинатель пресловутой норманской теории происхождения русского государства, и Миллер, и Шлецер занимались Византией и придавали значение изучению и толкованию византийских источников лишь постольку, поскольку это способствовало освещению вопросов ранней русской истории. Именно в этих целях в конце XVIII в. (1771—1779 гг.) было опубликовано составленное Стриттером собрание источников „*Methodicae rerumlogum*“ в четырех томах. Специальными вопросами византийской хронологии (и опять „в связи с древнейшей русской историей“) занимался уже в XIX в. академик Ф. И. Круг. Таким образом, изучение истории Византии было ограничено очень узкими рамками и, по существу, рассмотрению исторических судеб Восточной Римской империи как таковой не уделялось внимания. Правда, к 1837 г. относится появление в свет довольно своеобразного сочинения И. Ертова „История Восточно-Римской или Константинопольской империи, выбранная из всеобщей истории“. Автор этого произведения был сыном купца, писателем-самоучкой. Полагая, что „для русских читателей нужнее перевод повествовательной истории“, Ертов составил свою компиляцию на основании французских или переведенных на французский язык книг и статей⁵. Никакого научного значения это дилетанское сочинение не имело.

В 40-х годах выходят первые работы П. Медовикова, харьковского профессора А. П. Зернина, слависта-византиниста В. И. Григоровича

² Сочинения и письма П. Я. Чаадаева, т. II. М., 1914, стр. 13.

³ Там же, стр. 260—261.

⁴ А. И. Герцен. Собр. соч., т. I. М., 1954, стр. 90

⁵ А. А. Васильев. Лекции по истории Византии, т. 1, Пгр., 1917, стр. 33.

и др. Однако основные труды этих историков датируются уже второй половиной века.

Основные византологические высказывания Т. Н. Грановского относятся к 1850—1851 гг. Известно, правда, что уже в первом университетском курсе Грановского по истории средних веков в 1839—1840 гг. большое внимание было уделено истории Византии и арабов (до IX в.)⁶. Высказывания по вопросам истории Византии Грановского, безоговорочно причисляемого к „западникам“, не привлекали особого интереса в русской дореволюционной буржуазной историографии.

Очень кратко упоминает об отношении Грановского к Византии в своих „Лекциях по истории Византии“ А. А. Васильев⁷. Советские ученые уделили больше внимания вопросу о трактовке Грановским истории Византии и славянства. Так, например, об этом говорится в статье А. И. Данилова „Т. Н. Грановский и некоторые вопросы социальной истории раннего средневековья“⁸. Но для широкого освещения этой важной и интересной темы, несомненно, требуется специальное рассмотрение.

Непосредственно византийским сюжетам посвящена статья Т. Н. Грановского „Латинская империя“, представляющая критический разбор сочинения П. Медовикова „Латинские императоры в Константинополе и их отношение к независимым владетелям греческим и туземному народонаселению вообще“, опубликованная в журнале „Современник“ (1850, № 5).

Вопросы, относящиеся к истории Византии, трактуются также в „Записке и программе учебника всеобщей истории“, составленной в 1850 г. и в большой статье-рецензии „Италия под владычеством остготов, лангобардов и франков“, посвященной разбору магистерской диссертации П. Н. Кудрявцева „Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим“ („Отечественные Записки“, 1851, № 4 и 6).

Особый интерес представляет статья „Латинская империя“, в которой Грановский остановился на ряде важнейших проблем византийской истории. При разборе этой статьи обыкновенно обращается внимание на освещение Грановским отношений Византийской империи к славянам. Но в этой работе затрагивается также целый ряд других весьма существенных вопросов. В начале статьи Т. Н. Грановский отмечает, что история Византийской империи не пользуется большим почетом на Западе, где авторы соответствующих трудов „довольствуются повторением мнений, наследованных ими от XVIII столетия“. Немногочисленные монографии (Шлоссера, Фальмерайера и др.) осветили отдельные эпохи византийской империи, но не разрешили главных, жизненных вопросов ее существования. „Очевидное равнодушие западных писателей к государству Константина Великого, — пишет Грановский, — объясняется отчасти отношениями этого государства к латино-германским племенам. Между ними не было органической связи. Французу или англичанину Византия представляет такой же любопытный предмет, как, например, арабийский калифат, но она не имеет в его глазах другого, высшего значения. Ее влияние на судьбу его предков не дает ей особенных прав на его сочувствие“⁹.

⁶ С. А. Асиновская. Из истории передовых идей в русской медиэвистике (Т. Н. Грановский). М., 1955, стр. 13.

⁷ А. А. Васильев. Лекции по истории Византии, т. 1, стр. 31—32.

⁸ „Ученые записки Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева, 1951, № 16, стр. 85—86.

⁹ Т. Н. Грановский. Соч., М., 1900, стр. 377.

Совсем другое отношение вызывает византийская история у русских. Грановский пишет: „Мы приняли от Цареграда лучшую часть народного достоинства нашего, т. е. религиозные верования и начатки образования. Восточная империя ввела молодую Русь в среду христианских народов. Но кроме этих отношений, нас связывает с судьбою Византии уже то, что мы славяне. Последнее обстоятельство не было, да и не могло быть по достоинству оценено иностранными учеными“¹⁰. И далее Т. Н. Грановский сосредоточивает особое внимание на роли славян в Византийской империи. Он отмечает, что и автор монографии „История полуострова Мореи“ Фальмерайер, подвергнутый немцами критике за признание значительной роли славянских элементов на Пелопоннесе, не смог надлежащим образом показать значения славян в истории Восточной Римской империи.

Ставя вопрос о том, многие ли фемы империи были населены чистыми греками, Грановский отвечает: „Поверхностное знакомство с византийскими писателями достаточно для того, чтобы убедиться, что в европейских темах (фемах. — И. Б.) огромное большинство населения состояло из славян и что в азиатских областях преобладали чуждые эллинизму примеси“¹¹.

Отмечая этническое разнообразие населения Византии, Грановский приходит к выводу, что „условия существования византийской империи состояли не в крепости одного национального начала“. Отвечая далее на вопрос, „какая же сила собрала воедино и сдерживала разнородные, отчасти враждебные между собою стихии...“, Грановский видит эту силу в религии и в образovanности, наследованной от классического мира вместе с языком. Разрабатывая византийскую историю, можно прийти не к тем результатам, к каким пришли Гиббон и Шлоссер. Успешное решение этой задачи, по мнению Грановского, в состоянии дать в настоящее время только русские или вообще славянские ученые. „Они ближе к ней потому, что она связана с историей их собственного племени и требует знаний в тех областях церковной истории и филологии, — пишет Грановский, — которые менее других доступны западным ученым. Можно прибавить, что на нас лежит некоторого рода обязанность оценить явление, которому мы так многим обязаны“¹².

В этих вводных замечаниях, предпосланных критическому разбору работы Медовикова, Грановский совершенно правильно отмечает односторонность и тенденциозность западноевропейских историков в трактовке истории Восточной Римской империи, их слабую заинтересованность в ее изучении; он подчеркивает, что особо ответственная и важная задача по изучению истории Византии лежит на представителях русской науки. Говоря об отношениях Византии к России и славянским народам, Грановский на первый план выдвигает вопрос о роли славян в судьбах Восточной Римской империи. Совершенно правильны и ценны замечания русского ученого о пестром этническом составе населения Византийской империи и об отсутствии в ней, благодаря этому, „крепости одного национального начала“. Но, пытаясь ответить на вопрос о том, что же объединяло разнородные элементы, Грановский приходит к чисто идеалистическому выводу.

Переходя далее к тщательному и обстоятельному разбору исследования П. Медовикова, Т. Н. Грановский делает целый ряд чрезвычайно

¹⁰ Т. Н. Грановский. Соч., стр. 378.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 379.

ценных и глубоких критических замечаний. Отмечая те или иные недостатки разбираемого сочинения, он вносит свои существенные коррективы и дополнения. В серьезный упрек Медовикову Грановский ставит то, что он в своем труде не остановился на объяснении причин, приведших византийскую империю к катастрофе 1204 г. Главные причины падения византийского государства в начале XIII в. Грановский усматривает „в изменившихся отношениях к славянам и в глубокой порче государственного организма, находившейся в связи с разращением высших сословий в Константинополе“¹³.

Отметив, что „постепенное образование самостоятельных славянских государств на северных пределах империи отвлекло от нее силы, которыми она прежде исключительно располагала“, Грановский приводит чрезвычайно любопытные аналогии в историческом развитии германских и славянских народов. Как германцы, образовав свои государства на римской почве, „перестали быть слепыми орудиями римской власти...“, так и у южных славян „переход от быта общинного и дружинного к государственному положил конец их зависимости от Византии и снял с них опеку, в которой так долго держала их царградская политика“¹⁴.

Другой причиной ослабления византийской империи Т. Н. Грановский считает ту перемену, которая произошла „в нравах и положении высшего сословия“ после эпохи иконоборчества. Он правильно отмечает пагубную роль феодальной знати с ее политическими притязаниями, особенно усилившимися в эпоху Комнинов. Конечно, тут дело не в знакомстве с феодальным дворянством Западной Европы в эпоху крестовых походов, которое якобы „дурно подействовало“ на византийскую аристократию. Но самый факт усиления тенденций феодальной раздробленности, а также и изменения характера византийской образованности после иконоборчества определены достаточно убедительно.

В своих замечаниях на книгу Медовикова Грановский критикует его далее за то, что он ограничивался лишь описанием военных действий, опуская внутреннюю логику событий. Остановившись, в связи с этим, на вопросе, почему Константинополь не смог оказать достаточного сопротивления крестоносцам, Грановский говорит об отсутствии патристического воодушевления у низших классов населения Царьграда и об испорченности высшего сословия, которое перед лицом общей опасности „крамольничало, составляло заговоры и изменяло одному императору за другим“. А. И. Данилов по этому поводу пишет следующее: „Грановский игнорирует роль народных движений в Византии. Захват Византии, по его мнению, оказался возможным из-за глубокой разращенности как высших, так и низших классов византийского общества“¹⁵. С таким категорическим выводом А. И. Данилова никак нельзя согласиться. Т. Н. Грановский говорит об испорченности высшего сословия, феодальной верхушки; он также очень ярко рисует настроения „черни“, деклассированных элементов Константинополя. Но он вовсе не говорит о „глубокой разращенности“ низших классов византийского общества. Люмпенские элементы Царьграда отнюдь не представляли собой трудящееся население Византии. Грановский говорит именно о пестрой, случайной, состоящей из всяких пришлых бродяг и искателей легкой наживы, городской „черни“ Константинополя. Вот буквальные слова

¹³ Т. Н. Грановский. Соч., стр. 379.

¹⁴ Там же, стр. 380.

¹⁵ А. И. Данилов. Т. Н. Грановский и некоторые вопросы социальной истории раннего средневековья, стр. 86.

Грановского: „Вследствие самих выгод положения, столица византийской империи должна была таким образом принимать в себя нечистый отстой, подымавшийся в эпоху общего брожения со дна Западной Европы. Она доставляла этим пришельцам возможность легкой и привольной жизни; но они ей дурно платили за гостеприимство. На ее улицах не раз резались буйные латинцы с жителями греческого или славянского происхождения. Тогдашний Константинополь заслуживал в большей степени, чем древний Рим или новый Париж, название *cloaca maxima* народов“¹⁶.

Но безусловно нельзя отождествлять деклассированные низы Константинополя с „низшими классами“ византийского общества вообще, как это делает в своей статье А. И. Данилов.

Из дальнейших критических замечаний Грановского заслуживает внимания его обвинение Медовикова в том, что последний придавал слишком большое значение республиканскому элементу, внесенному венецианцами в период существования Латинской империи. Грановский доказывает, что значительная часть земель, приобретенных венецианской республикой в 1204 г., находилась во владении знатных фамилий, признавших свою зависимость от Венеции. Здесь, конечно, не может быть и места „республиканскому элементу“. В заключение своей статьи Грановский делает ряд метких замечаний об особенностях Никейской империи (которую Медовиков неправильно считал выражением чисто греческой народности) и Константинопольской империи (восстановленной Византийской империи). Грановский отмечает эфемерность империи Палеологов, причем и здесь считает нужным подчеркнуть, что „славяне, на плечах которых долго лежали судьбы империи, возожившей на них свои последние надежды, жили собственной жизнью“¹⁷.

Критический разбор Т. Н. Грановским книги Медовикова выходит далеко за пределы обычной научной рецензии. Особенно ценны и важны здесь самостоятельные высказывания замечательного русского медиевиста по вопросам византиноведения.

К 1850 г., как уже отмечалось выше, относится составление Т. Н. Грановским „Записки“ и „Программы учебника всеобщей истории“. И тут московский профессор, отмечая в своей записке недостатки иностранных руководств по всеобщей истории, писал: „Византийская империя, столь важная для нас по связи с судьбою славян вообще и древней Руси в особенности, излагается в заграничных сочинениях весьма поверхностно. Немецкие и французские ученые показывают нам только темную сторону Византии и не обращают внимания на живое религиозное начало, которое оттуда перешло к славянским племенам“¹⁸.

В самой программе учебника всеобщей истории Византии уделяется большое место. Так, например, в один из первых разделов истории средних веков введена следующая тематика: „Византийская империя. Ее значение в истории средних веков. Отношения к славянским племенам. Религиозные споры. Юстиниан. Партии цирка. Законодательство. Мысль о восстановлении прежней империи. Завоевания. Падение царств Вандальского и Ост-Готского. Преемники Юстиниана. Лангобарды в Италии. Персы. Ираклий“¹⁹. Такая тематика позволяет дать надлежащее освещение истории Восточной Римской империи VI в. Лучшие учебники по всеобщей истории в дореволюционной России мало что могли

¹⁶ Т. Н. Грановский. Соч., стр. 382.

¹⁷ Там же, стр. 386.

¹⁸ Там же, стр. 590.

¹⁹ Там же, стр. 594.

прибавить к этому разделу программы. Интересно отметить, что в „введении“ своего учебника Грановский, устанавливая периодизацию всеобщей истории, рубежом, отделяющим древнюю историю от средневековья, считал „царствование Константина Великого“²⁰. Здесь, конечно, приходится считаться с тем преувеличением исторической роли христианства, которое было присуще Грановскому.

Заслуживают внимания и те замечания, которые делает Т. Н. Грановский в своей обширной критической статье „Италия под владычеством Ост-Готов, Лангобардов и Франков“, представляющей глубокий и основательный разбор диссертации П. Н. Кудрявцева. Грановский отмечает сильные стороны работы своего любимого ученика, но не умалчивает и о ее недостатках, говорит о своих несогласиях с отдельными положениями Кудрявцева. Отдел, посвященный в диссертации Кудрявцева Византии, Грановский оценивает весьма положительно. „Всякий, — пишет он, — кто несколько знаком с настоящим состоянием исторической литературы, оценит по заслугам самостоятельные и остроумные исследования нашего автора на трудном поприще, где, кроме Гиббона и Шлоссера, у него не было достойных предшественников. Он пользовался трудами этих двух писателей, но шел собственным путем и подверг их выводы тщательному, почти недоверчивому пересмотру. Отсюда произошло значительное различие и в общих взглядах, и в изложении частных“²¹.

Отмечая, что в большей части спорных случаев он без колебаний готов стать на сторону русского историка, Т. Н. Грановский, однако, указывает на свое несогласие с отрицательной оценкой Кудрявцевым внешней политики императоров-иконоборцев. Лев III Исавр и Константин V, по мнению Грановского, совершенно правильно сосредоточивали свои силы на решительный отпор агрессии арабского халифата, угрожавшей целостности и самостоятельности византийского государства. Вопрос о византийских владениях в Италии, естественно, должен был отойти на задний план.

Все приведенные высказывания Т. Н. Грановского по вопросам, касающимся истории Византии, показывают, что выдающийся русский медиевист придавал большое значение изучению истории Византии и считал это изучение одной из серьезных задач русской исторической науки. Особенно важно отметить, что Грановский как бы продолжил славяную традицию, ведущую свое начало от М. В. Ломоносова, выдвинув на первый план проблему о роли славян в истории Восточной Римской империи, о значении русско-византийских и славяно-византийских отношений.

В постановке этой и других проблем византийской истории Грановский стоял намного выше академика А. А. Куника, роль которого в развитии русского византиноведения нередко переоценивалась в нашей дореволюционной историографии. А. А. Куник занимался, по преимуществу, узко специальными сюжетами византиноведения, но все же иногда обращался к постановке вопросов более общего характера. В своей статье „Почему Византия доныне остается загадкой во всемирной истории?“²², опубликованной в 1853 г., Куник, как и Грановский, высоко расценивал значение истории Византии и подвергал критике суще-

²⁰ Т. Н. Грановский. Соч., стр. 607.

²¹ Там же, стр. 418.

²² „Ученые Записки Императорской Академии наук по Первому и Третьему Отделению“, т. II, вып. 3. СПб., 1853, стр. 423—444.

ствующую периодизацию истории, полагая, что неправильно считать 476 г. гранью между древним миром и средними веками, поскольку при такой периодизации совершенно не принимается во внимание история Восточной Римской империи. В отличие от установившихся в зарубежной науке взглядов, Куник считал необходимым признать историю „византийско-славянской“ группы народов „органической частью“ всеобщей истории средних веков наравне с историей романо-германских народов²³.

Но наряду с этими правильными положениями, А. А. Куник весьма односторонне представлял взаимоотношения славян и Византии. Он говорил исключительно о влиянии Византийской империи на славян, об „оплодотворенных“ Византией славянских странах и т. п., игнорируя историческую роль самих славян.

Таким образом, Т. Н. Грановский в трактовке проблем истории Византии значительно опережал современных ему историков. Выдвинутые им важнейшие вопросы в дальнейшем успешно разрабатывались русской дореволюционной византиноведческой школой академиков В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского, труды которой получили широкий международный научный резонанс.

Правда, не преодолев идеалистических взглядов на исторический процесс, Т. Н. Грановский не смог объяснить ряда явлений византийской истории, но сама постановка им проблем истории Византии в широком историческом аспекте была чрезвычайно ценной и плодотворной.

²³ А. А. Куник. Указ. соч., стр. 427.
